

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'371

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-3-22-33

Кручинкина Н. Д.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Ул. Большевикская, 68. Г. Саранск, 430005. Россия.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Аннотация. В настоящей статье представлены лексико-семантическая морфология и функционально-синтаксическая роль существительного как части речи и конституента предложения в его номинативной роли.

Существительное в семантическом аспекте по своей категориальной характеристике как часть речи, обозначающая субстанцию, прототипически денотативно находится в прямой связи с соответствующим объектом (предметом, лицом, вещественной субстанцией) реальной действительности. Однако лингвисты обнаружили, что внутри класса существительных можно выделить имена самодостаточные по своей семантике и имена «относительные», раскрытие семантики которых требует обращения к другому имени, обращенному к другому денотату. Такое разграничение имен представляется важным для лексикологии и лексической семантики.

В то же время и те и другие представители класса существительных в функционально-синтаксическом проявлении при номинации событий реальной действительности в рамках пропозитивных синтагм проявляют себя как функционально-синсемантические конституенты. Такое синтезированное описание существительного в его морфологической и функционально-синтаксической семантике представляется новым и актуальным.

Ключевые слова: автосемантичность, синсемантичность, пропозитивный номинант, пропозитивная синтагма, существительное, субстанция, денотат, референт.

Kruchinkina N.D.

LEXICAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL-SEMANTIC POTENTIAL OF THE NOUN

N.P. Ogarev Mordovia State National Research University
68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia

Abstract. The article presents the lexico-semantic morphology and the functional-syntactic role of the noun as part of speech and the sentence constituent in its nominative role.

Noun in the semantic aspect in its categorical characteristic as part of speech, denoting the substance, prototypically denotatively is in direct connection with the corresponding object (object, person, material substance) of material reality. However, linguists have discovered that within the class of nouns one can distinguish names that are self-

sufficient in their semantics and the names "relative", whose semantics disclosure requires referring to another name addressed to another denotator. This distinction of names is important for lexicology and lexical semantics.

At the same time, both these and other representatives of the substantive class in functional-syntactic manifestation in the nomination of real-life events within the framework of propositional syntagms manifest themselves as functional-synsemantic constituents. Such a synthesized description of the noun in its morphological and functional-syntactic semantics appears to be new and important.

Key words: autosemantics; synsemantics; propositional nominator; propositional syntagma; noun; substance; denotatum; referent.

Конституенты синтагм в номинативном плане структурно представляют собой конструкторы, расчлененно именующие один из фрагментов реального или идеального мира. Для теории лингвистики и для прикладных целей важно знать языковые механизмы обеспечения расчлененной синтаксической целостности и семантической отмеченности таких номинаций.

Во-первых, как нам представляется, необходимо отметить, что в синтагмах любого уровня синтаксическая целостность обеспечивается подчинительной связью, т.е. наличием синтаксически главного члена синтагмы, который, благодаря своей активной валентности, присоединяет валентно зависимый член синтагмы. Такого рода зависимость связана в первую очередь с грамматическим статусом членов синтагмы: их принадлежностью к той или иной части речи. При межкатегориальном противопоставлении частей речи по этому признаку отмечается оппозиция *глагол / существительное*.

Наряду с грамматическим аспектом валентности, т.е. комбинаторным потенциалом частей речи, имеется референциально мотивированный, семантический аспект явления. Выделяя две главных части речи – существительное и глагол – во многих случаях современные лингвисты одновременно подчеркивают их различие. В оппозиции соотношения между языком и действительностью эта дифференциация может быть связана с различиями в репрезентации или в участии репрезентации отражаемых денотатов.

Онтологическая, референтная сущность субстанции и процесса экстраполируется на категориальные означаемые существи-

тельного и глагола. В онтологии отражаемых языком субстанций и процессов, соответственно, в формах существительных и глаголов, можно говорить о первичности субстанции. Следуя такой логике мышления и экстраполируя это свойство субстанции и процесса на их репрезентацию в языке, соответственно, в формах существительного и глагола, Д. Виллемс и К. Кербрат-Орекиони называют имя существительное морфологичным по своей природе, а глагол синтаксичным (31, с.66; 38, с.8). Д. Виллемс считает, что ролевой сущностью существительного является обеспечение связи с реальной действительностью, что и происходит при номинации предметов, лиц. Этот факт в его языковом отражении она характеризует как референтную сущность существительного: глубокую погруженность субстрата существительного в реальную действительность.

Процесс по своей онтологической и логической природе зависим от наличия субстанции. Имя процесса играет организующую роль в объединении субстанциальных участников событий. В означаемом пропозитивных знаков (номинантов) глагол-релятор участвует в эксплицировании той или иной формы пропозитивного обозначения соответствующего типового события. Уже сама релятивная функция глагола говорит о том, что означаемое глагольных лексем зависит от значений объединяемых им в единое целое имен субстанций. Поэтому часть речи, когнитивно соответствующая в языковом инвариантном отражении значению процесса (глагол), по своей онтологической сущности

зависима от сигнификата *субстанция*, представляемого существительным.

В этой связи Г.А. Золотова говорит, что «в объективной действительности действие не существует, оно осуществляется как функция субъекта» [12, с. 163]. В целом, как часть речи, в парадигматическом плане глагол синсемантивен, так как он в основном обозначает отношения и играет доминантную, связующую роль в семантической структуре предложения. Если существительное имеет референтную сущность, то глагол – сигнификативную. Поэтому Д. Виллемс замечает, что синтаксически глагол материализует форму мысли в отношениях, которые мысль устанавливает между разными объектами [38, с. 8].

Проблема онтологической иерархизации отражаемых главными частями речи субстанций и процессов не осталась без внимания и философов. Анализируя явление первичности субстанций и вторичности процессов в филогенетическом плане, А.А. Ветров обращает внимание на то, что не только в онтогенезе, но и в филогенезе человеком первично вычленялось не действие, а предмет, субстанция: первобытный человек выделял первоначально объект действия как наиболее зримый, наиболее осязаемый элемент ситуации [7, с. 234-237].

У. Куайн также при описании особенностей первых этапов речевой деятельности ребенка не случайно обращается к существительным [33, с. 74-75]. Подобные наблюдения при анализе развития номинативной деятельности детей представлены психолингвистами [20, с. 32] и психологами [11, с. 82; 18, с. 37]. А.Р. Лурия, хотя в отличие от других ученых и считает, что филогенетический опыт (развитие рода) не повторяется в онтогенезе (развитии ребенка), отмечает, что первые слова ребенка обращены к предмету и означивают предмет. Н.Д. Арутюнова, выделяя две разновидности лексических единиц по способу их референции (прямой или опосредованной), также в первую очередь имеет в виду существительные [4, с. 17-18].

Н.И. Жинкин отделяет семантические компоненты целостного высказывания от их грамматического воплощения. Поэтому он отдельно говорит, с одной стороны, о предикате и предмете, с другой стороны – о сказуемом и подлежащем. Он также имплицитно отмечает первичность предмета и вторичность предиката, который является средством обозначения предметных смысловых связей, отражающих отношения между предметами.

О первичности имени субстанции в филогенезе и, тем самым, имплицитно, о его категориальной автосемантичности говорят также Ф. Делюфр [26, с. 16-17] и Ф. Франсуа [29, с. 249-250]. Лингвисты не могут не обращать внимание на лексико-семантическую самостоятельность или зависимость элемента в рамках синтагматических отношений.

Однако не только денотативная принадлежность существительных к определенному характеру референтов определяет их дальнейшее поведение в синтагматическом плане. На проявление автосемантического или синсемантического характера имени влияет также проявление в речи того или иного варианта значения его лексико-семантической парадигмы, что выявляется в его комбинаторике, в том числе и в пропозитивных синтагмах. В этом случае можно привести пример лексемы *круг*, различные варианты лексико-семантической парадигмы которой приводит А.А. Уфимцева [19, с. 93-94]. Эта лексема только в двух из своих значений проявляет синсемантность. Это происходит тогда, как заметил У. Куайн в отношении такого рода феноменов [33, с. 94], когда у этого означаемого знака нет собственного референта. В данном случае в случае актуализации первичного значения лексемы *круг* – ‘геометрическая фигура’ имеется прямое соответствие референту. В сочетаниях лексемы *круг круг обязанностей* и *круг знакомых* [19, с. 94] или *круг задач.*, *круг проблем*, *круг подозреваемых* (наши примеры – Н.К.) такого соответствия нет и нет семантической полноты значения данной лексемы. Она в выше приведенных

сочетаниях лексически связана с постпозитивными лексемами и составляет вместе с ними лексически связанные сочетания, или несвободные сочетания слов.

Так как большинство существительных любого языка многозначны, лингвисты, обращаясь к полисемантическим существительным, замечают что они могут в первичном значении содержать полный объем значения для адекватного отражения соответствующего денотата, а во вторичных значениях или в одном из вторичных значений эту полноту значения утрачивать [30, с. 29].

Вопрос семантической полноты или неполноты значений лексем или отдельных вариантов их значений в той или иной форме, прямо или косвенно неоднократно обсуждался и в отечественной и в зарубежной лингвистике: [1; 2; 4, с. 15-18; 6, с. 39, 141, 149-150, 153, 259, 261, 265, 342; 8, с. 72-73; 9; 10, с. 17; 14; 15, с. 47-52; 17, с. 63-72, 140-157; 22, с. 91, 93; 32, с. 39-58; 35, с. 40; 36, с. 106-122; 37, с. 75-100]. В лексической семантике статус семантической самодостаточности лексемы был обозначен терминами *автосемантичность*, *категорематичность*, а статус семантической несамодостаточности – терминами *синсемантичность* [8, с. 124-125; 15, с. 47-52], *синсемичность* [12, с. 76, 157, 163], *синкатегорематичность* [32, с. 39-58; 35, с. 40].

Если в отнесении служебных слов к синсемантическим (синсемантическим, синкатегорематическим, синкатегорематическим) никаких противоречий среди лингвистов не наблюдается, то в отношении знаменательных слов имеются разные особенности понимания объема и характера семантической самодостаточности.

Не все лингвисты и философы в одинаковой степени разграничения внутри знаменательных частей речи применяют понимание внутренней семантической самодостаточности или внутренней семантической неполноты значения в одинаковом плане. Например, О.С. Ахманова, разграничивая автосемантические и синсемантические слова, к первым относит

все полнозначные (знаменательные) слова [5, с. 31], ко вторым – все служебные слова. Таково же мнение на этот счет и С.Д. Кацнельсона. Такой характер разграничения для него и, можно сказать, в целом для лингвистики, «является отправной точкой не только для грамматической классификации слов по так называемым «частям речи», но и для семасиологической их классификации» [13, с. 3]. Такой статус «полнозначимых» слов языка он аргументирует тем фактом, что они «самостоятельно выделяют объекты (т. е. вещи, явления, свойства, процессы т. д.)» [Там же], а в функционально-синтаксическом плане реализуют себя в качестве членов предложения. Служебные же слова, о чем говорит и само их название, не имеют своих денотатов и «связаны с предметным содержанием лишь опосредованно, через полнозначимые слова» [Там же].

Н.Д. Арутюнова выделяет две разновидности лексических единиц по способу их референции (прямой или опосредованной) [4, с. 17-18]. Ж. Клебер вполне обоснованно выделяет категорематичные и синкатегорематичные существительные по признаку их референтной автономности и неавтономности [32, с. 39]. В этой же логике интерпретации явления синкатегорематичности, У. Куайн к синкатегорематическим (*syncategorematic*) относит только те существительные, которые в синтаксической конструкции N+N обозначают признак, референтно не восходящий к его лексическому обозначению. Например, как он замечает для сравнения, если в категории вин *red wine* вино действительно красное, т.е. *red* означает цвет, соответствующий реальному цветовому признаку, и в его интерпретации, выступает в самостоятельной атрибутивной роли, обозначая этот реальный цвет, не связанный только с лексемой *wine*, то в сочетании *water wing* субстантив *water* не соотнесен с референтом 'WATER'. Переходя на лингвистическую терминологию, можно сказать, что речь идет в данном случае о лексически несвободных сочетаниях слов, в

которых в английском языке **позицию** атрибутива выполняет первое существительное, не являющееся в такого рода случаях функциональным атрибутивом [33, с. 94]. Подобные сочетания можно найти и в русском языке: *водные лыжи, пушное хозяйство, гранатовый браслет* и др.

Такого же рода пример, с *wine* но уже с прилагательным *white* в сочетании *white wine* приводит С. Синклер, но в иной интерпретации цвета *white* в применении к вину. Он приводит данный пример (хотя не употребляет сам термин) чтобы отметить фактически синсемантический характер значения прилагательного, которое в этом сочетании теряет значение белого цвета, т.е. соотносённость с реальным белым цветом, так как такого сорта вино не бывает белым, а просто имеет светлые оттенки желтого, розового, оранжевого [34, с. 7]. Х. Бусман в этой же логике, презентуя понятие синсемантности и автосемантности, на примере прилагательного *good* показывает проявление в его значении синсемантности в идентичных с приводимыми С. Синклером условиях: в сочетаниях Adj + N, в которых прилагательное *good* раскрывает свое вторичное значение: *the weather / the food is good* [24, с. 1166]. Так, в примере с *weather* это прилагательное может обозначать, например, *ясную, солнечную погоду*, а во втором – например, *вкусную* пищу.

«Dictionnaire linguistique» синсемантическим (синкатегорематическим (*syncatégorématique*) называет любое имя, которое детерминирует синтагматическое расширение (*extension*) подлежащего (например, местоименные прилагательные) или модификацию предиката (например, отрицательная форма или модальные глагольные слова) [27, с. 462]. Такое понимание восходит к трактовке явления Э. Бенвенистом, который рассматривает, например, явление синкатегорематичности на уровне предложения.

Е.В. Гулыга анализирует автосемантность / синсемантность не только по отношению к морфологическим, но и к синтаксическим единицам [9; 10, с. 15-19].

К. Бюлер рассматривает свойство синсемантности в отношении единиц и грамматического и лексического уровней [6, с. 39, 259].

Несмотря на общую категориальную автосемантическую сущность существительного как имени субстанции при более детальном рассмотрении внутри класса имен существительных обнаруживаются и классы синсемантических существительных. Это связано с тем, что в лексико-грамматическом и в лексико-семантическом плане эта часть речи неоднородна по лексико-семантическим составляющим значений существительных, по их деривационной истории и, соответственно, по их семантическим параметрам. Данный факт отмечает и Г.А. Золотова. Так, производные существительные деадъективного, deverбального характера определены ею как *синсемантические* [12, с. 76, 157, 163]. Можно к этому добавить, что именно деривационная история таких существительных, производных от категориально синсемантических по своей референтной природе частей речи, и делает их синсемантическими. Поэтому лингвисты не могли не отметить, что и в классе существительных, и в классе глаголов имеются различные подклассы по степени их автосемантности и синсемантности. Так, В.Г. Гак и в существительных, и в глаголах, и в прилагательных находит обе разновидности [21, с. 466].

Говоря о существительных, В.Г. Гак связывает их семантическое различие в их делении на существительные автосемантические (независимые) и синсемантические (относительные) с характером их денотатов. К синсемантическим существительным им отнесены термины родства (*le père, la mère, le fils, la fille*); части тела (*le bras, la tête, les yeux*); части предмета (*le toit (de la maison), le dossier (du fauteuil)*) и существительные обобщающего значения (*le type, la classe, la catégorie*); параметрические производные (*la longueur*) и непроизводные (*le caractère, le poids*) лексемы, а также существительные с абстрактным значением (*la beauté*) [8, с. 124-125].

К этому списку можно добавить большой список параметрических существительных русского языка, приведенных Ю.Д. Апресяном: с указанием, например: а) количественных физических параметров – *высота, рост, длина, расстояние, ширина, глубина, толщина, размер, площадь, вместимость, габариты, объем; долгота, широта; возраст, время, дата, срок; вес, температура, скорость, давление, напряжение, мощность, сила, крепость (в сорок градусов)*, б) качественных параметров – физических: *внешность, форма, цвет, тон, звук, вкус, запах*; социальных неиерархических): *национальность; конфессия; профессия; достаток, состояние; группа, категория, сословие*; социальных иерархических: *ранг, чин; титул, звание; (ученая) степень*) и многих других лексических категоризаторов [3, с. 38-39].

В этих примерах можно увидеть и такие лексемы, которые в разных контекстах могут актуализировать как автосемантическую, так и синсемантическую. Воспользовавшись приведенным по поводу полисемии примером в работе «Words and Meanings», рассмотрим лексему *fille*, переводя анализ проявления полисемии данной лексемы в поле исследуемого в нашей статье явления [30, с. 29]. В том случае, когда *fille* обозначает гендерную и возрастную характеристику лица, т.е. базовые для ее первичного значения семантические характеристики, которые А. Круз называет каноническими (canonical traits) [25, с. 19], она проявляет себя автосемантически. В другом значении, которое предполагает обращение к дополнительным референтам, а в дефиниции значения, к лексемам *parents, père, mère*, данная лексема оказывается синсемантической. Добавим к этому, что и другая лексема французского языка из класса родства *femme* в своем гендерно-возрастном значении ‘женщина’ автосемантически, а в своем соотношении с лексемой *marî* и с ее референтом (в значении ‘жена’) синсемантически. И это не единичные примеры. В каждом языке имеются свои примеры такого рода.

М. Тутеску обращает внимание и на предикаты и выделяет их как

синкатегорематичные знаки, т.е. как имена, лишённые самостоятельного значения. Синкатегорематичными предикаты признаются ею относительно их референции. В этой интерпретации предикаты референтно синкатегорематичны, а по смыслу категорематичны [35, с. 40]. Н.Д. Арутюнова, говоря о глаголах-предикатах, замечает: «семантика предикатов в каждом смысловом поле взаимообусловлена». Тем самым она подчеркивает синсемантическую глаголов в их предикативной роли как класса [4, с. 17].

Автосемантическую или синсемантическую парадигматическую значимость лексем влияют на их сочетаемость в синтагме, их конструктивные возможности. Автосемантические языковые единицы выражают значение «независимо от других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации» [10, с. 17]. Этим они отличаются от синсемантических единиц, которые, напротив, раскрывают свою семантику «в сочетании с другими языковыми единицами, на фоне контекста или ситуации» [10, с. 17]. Н.Д. Арутюнова поэтому уделяет внимание синтагматическим условиям проявления синтагматической обусловленности (связанности) значений, или относительности значений [4, с. 16-18] и автономности смысла имен. В связи с этим лингвисты различают явления как смысловой, так и структурной автосемантической и синсемантической [2; 10, с. 15-17].

В отличие от большинства лингвистов, которые при рассмотрении явлений авто- и синсемантической на первый план выводят анализ свойств самих авто- или синсемантических единиц, К. Бюлер говорит не о самих единицах, а о *синсемантическом окружении* [6, с. 141, 149-150], что нам представляется вполне объяснимым. Н.Д. Арутюнова также достаточно внимательно анализирует синтагматические условия проявления, например, синтагматически связанных, т.е. контекстуально обусловленных вторичных значений и значений конкретных имен в синтагматически метонимизированных

значениях в процессе когнитивно-номинативной деятельности [4, с. 15-25].

Словарь «Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage», хотя и не рассматривает специально явления автосемантии и синсемантии, однако, ссылаясь на Л. Ельслева, указывает на важность изучения семантической структуры слов в том числе и для синтаксических целей [28, с. 339]. И следует признать правомерность такой точки зрения

В пропозитивных синтагмах субстантивные конститuentы составляют синтагматическую основу пропозитивных синтагм и семантизируют глагол в роли предиката, т.е. вызывают необходимость в использовании той или иной глагольной лексемы. Взаимно глагол обусловленной комплексом семантического взаимодействия **субстантивных конститuentов** лексической семантики определяет и их функциональное событийное поведение. Такое взаимодействие характеризуется многоплановой пропозитивной синсемантичностью и в результате обеспечивает смысловую целостность, или семантическую композициональность. В объективной действительности взаимодействие субстанций разных типов обеспечивает динамику событий. При взаимодействии субстанций разного категориального характера происходят процессы соответствующего категориального

содержания. Взаимодействие субстанций в экстралингвистической действительности уже относится к синтагматическому плану функциональной иерархичности взаимодействующих субстанций. Поэтому как вариант проявления автосемантичности и синсемантичности в пропозитивных синтагмах можно считать **не только иерархию частей речи, но и функциональных означаемых пропозитивных номинантов, а также их функциональных означающих – членов предложения.**

Пропозитивные номинанты именуют целостное событие реальной действительности, которое характеризуется взаимодействием субстанций, приобретающих относительно друг друга определенные роли при формировании событий. Поэтому конститuentы пропозитивных номинантов функционально, как семантически, так и синтаксически взаимно обусловлены [8, с. 580-600; 23, с. 238–246; 36, с. 103-124; 37, с. 75-96]. Каждый **пропозитивный номинант с прототипическим событийным значением** функционально автосемантивен по отношению к своему функциональному типовому субстрату, являясь его симметричной функциональной проекцией (табл. 1, 2, 3) [16]:

Табл. 1 / Table 1

Функциональная структура событийного отношения адресации		
<i>Адресант</i>	<i>Адресуемый предмет</i>	<i>Адресат</i>
Функциональная структура пропозитивного номинанта с событийным значением адресации		
<i>Le mari offre un bouquet de fleurs à sa femme</i>		
<i>Le mari</i>	<i>un bouquet de fleurs</i>	<i>à sa femme</i>

Табл. 2 / Table 2

Функциональная структура событийного отношения локации		
<i>Локализант</i>	<i>Локализуемый предмет</i>	<i>Локализирующее пространство</i>
Функциональная структура пропозитивного номинанта с событийным значением локации		
<i>La mère met le paquet dans son sac</i>		
<i>La mère</i>	<i>le paquet</i>	<i>dans son sac</i>

Табл. 3 / Table 3

Функциональная структура событийного отношения каузации	
<i>Каузант</i>	<i>Каузат</i>
Функциональная структура пропозитивного номинанта с событийным значением каузации	
<i>La femme coupe le pain</i>	
<i>La femme</i>	<i>le pain</i>

Функциональный же конститuent пропозитивных номинантов того или иного функционального типа, каждый в отдельности, функционально синсемантичен по отношению к другим функциональным конститuentам в репрезентации отражаемого в его означаемом целостного событийного значения, например, адресации: *Le fils* (адресант) (*achète*) *un cadeau* (адресуемый предмет) *à sa mère* (адресат); локации: *Le fils* (локализант) (*met*) *le cadeau* (локализат) *dans l'armoire* (локатив); каузации: *Le fils* (каузант) (*développe*) *le cadeau* (каузат).

Каждый из функциональных конститuentов инвариантных языковых пропозитивных выражений соответствующих событий имеет функционально обусловленную роль, которая имеет место только в одном категориальном отношении. Для более доказательной иллюстрации функциональной синсемантичности означаемых выше представленных пропозитивных номинантов с тремя разными событийными значениями мы преднамеренно в качестве конститuentов поставили одинаковые лексемы *le fils* и *le cadeau*.

На функционально-классемном уровне лексема *le fils* во всех трех номинантах выполняет семантическую роль агента действия, а лексема *le cadeau* – объекта действия. Однако на функционально-семантическом уровне в каждом из лексикализованных инвариантов разных типовых событий (адресации, локации, каузации) конкретизация агентивной и объектной роли названных конститuentов тесно связана с типом события. Поэтому в пропозитивном номинанте с событийным отношением адресации конститuent *le fils* является адресантом, в пропозитивном номинанте с событийным отношением локации – локализантом, в пропозитивном номинанте с событийным отношением каузации – каузантом. Такого же рода функциональная синсемантичность проявляется и в отношении конститuenta *le cadeau*.

Семантическая функция конститuenta, т.е. направление его функциональной синсемантичности в пропозитивных синтагмах зависит сразу от нескольких факторов: от **семантических характеристик**

участвующих в репрезентации отраженного события субстанций (ср.: *La femme donne la clé à l'enfant* (категориальное событийное отношение адресации) / *La femme met la clé dans le tiroir* (категориальное событийное отношение локации); **количества участвующих** в отраженном событии субстанций, т.е. количества разных функциональных позиций в пропозитивной синтагме (ср.: *La fillette déplace le vase sur la table* (категориальное событийное отношение локации) / *Le vase est sur la table* (категориальное событийное отношение локативности)).

Лексико-семантическое содержание конstituентов также в определенной мере релятивизирует семантическую и синтаксическую функцию конstituента: так, имя лица, как показывают примеры, в инвариантной проекции события претендует на первичную семантическую функцию агента действия и синтаксическую функцию подлежащего. В этой функциональной позиции пропозитивный конstituент со значением лица синсемантичен в меньшей степени.

Выполнение именем лица других семантических функций уже в значительно большей мере обусловлено функционально-семантически: оно зависит от функционального пропозитивного контекста. Так, в трехместных синтаксических структурах с отношениями адресации и локации вторая постглагольная позиция в инварианте номинанта с отношением адресации может быть занята только именем лица, а в инварианте с отношением локации – только именем с предметным значением. Благодаря соответствующим предлогам (*à, dans, sur, de*) предметное имя функционально становится именем пространства, в которое предмет помещается перемещающим его агентом действия. Именно этой разницей в лексико-семантической характеристике двух структур отличается семантическая морфология двух трехместных структур с разными функциональными событийными отношениями: адресации и локации.

Эксплицируют эту событийную семантику глагольные предикаты с их конкретной функционально-семантической и функционально-синтаксической синсемантичностью.

Даже наша краткая презентация явлений автосемантии и синсемантии в их интерпретации известными исследователями и демонстрация их проявления на разных языковых уровнях, надеемся, позволила понять многоплановость феномена и разноуровневость проявления.

Так как в нашей лингвистике первым автором, обратившим внимание на глубинные языковые явления, считается А. Марти, который ввел и соответствующие термины с определением понятий семантической самодостаточности и семантической недостаточности, то следует отдать должное тому факту, что, несмотря на то, что его работа, датирована сороковым годом прошлого века, и, соответственно, оказалась малодоступной, она привлекла внимание известных ученых: лингвистов и даже философов – каждого в его пределах восприятия и последующей интерпретации. Поэтому можно согласиться с мнением Л.Н. Мурзина, который утверждает, что «предложенное Марти разграничение автосемантии (самодостаточности компонентов языка) и синсемантии (семантической их недостаточности) с последующей детализацией и привязкой к частям речи и др. единицам не утратило своего значения до сих пор» [21, с. 406].

Мы в нашей статье лишь в некоторой мере представили теоретическую интерпретацию явления, которое, независимо от того, используется ли лингвистами названная в статье терминология, описано в том или ином понимании как на разных языковых уровнях, так и в философской интерпретации. Как видно из различных подходов ученых, проявления автосемантии и синсемантии могут быть исследованы с разных методологических позиций для лексических, семантических, синтаксических и философских целей с использованием контекстуального, компонентного, дистрибутивного методов анализа.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Абрамов Б.А. Синтаксические потенции глагола в сопоставлении с потенциями других частей речи // Филол. науки. 1968. № 3. С. 34-44.
2. Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // Вопр. языкознания. 1958. № 1. С. 111-117.
3. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. Серия «Studia philologica». М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. стереотип. М.: Сов. энцикл., 1969. 608 с.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. М.: Прогресс, 2001. 528 с.
7. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат. 1968. 263 с.
8. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
9. Гулыга Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова // Филол. науки. 1967. № 2. С. 62-72.
10. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высш. школа, 1971. 206 с.
11. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
12. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
13. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. Изд.3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с.
14. Кручинкина Н.Д. Автосемантическая и синсемантическая компоненты предикатной структуры // Проблемы оптимизации речевого общения. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1989. С. 51-58.
15. Кручинкина Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 104 с.
16. Кручинкина Н.Д. Система пропозитивных категорий // Язык и культура. М.: МИИЯ, 2003. С.194-195.
17. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. 382 с.
18. Лурия А. Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 414 с.
19. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. 240 с.
20. Шахнарович А.М. Языковая способность человека: онтогенетический аспект // А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М.: Наука, 1990. С. 19-58.
21. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Росс. энцикл., 1998. 685 с.
22. Bonnard H. Les trois logiques de la grammaire française. Bruxelles: Duculot, 2001. 251 p.
23. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent: Fides, 2000. 352 p.
24. Bussmann H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. L. and NY: Routledge, 2006. 1335 p.
25. Cruse, D.A. Lexical semantics. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1986. 310/323 p.
26. Deloffre F. La phrase française. P.: SEDES, 1975.
27. Dubois J. et al.. Dictionnaire linguistique. P.: Larousse-Bordas/VUEF 2002. 568 p.
28. Ducrot O. / Todorov Tz. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P.: Eds. du Seuil, 1972. 480 p.
29. François F. La description linguistique // Le langage. P., 1968. P.171-282.
30. Goddard C. and Wierzbicka A. Words and Meanings. Oxford: Oxford University Press, 2014. 314 / 323) p.
31. Kerbrat-Orecchioni C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation. Lille: Univ. de Lille III, 1979. En 3 t. T. 1. 597 p.
32. Kleiber G. Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres. P.: Klincksieck, 1981. 538 p.
33. Quine W. Van Orman. Word and Object. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 2013. 277/308 p.
34. Sinclair J. The lexical item // Contrastive Lexical Semantics (Ed. by E. Weigand. Series IV - Current issues in linguistic theory. Vol. 171. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 1998. P. 1-24.
35. Tutescu M. Précis de sémantique française. Bucuresti-Paris, Klincksieck, 1975. 258 p.

36. Verspoor M., Dirven R. & Radden G. L'assemblage des concepts: la syntaxe // Linguistique cognitive / Ed. Delbecq N. Bruxelles, 2002. P. 103-136.

37. Verspoor M., Dirven R. and Radden G. Putting concepts together: Syntax // Cognitive Exploration of Language and Linguistics / Edited by R. Dirven and M. Verspoor; in collabor. with J. de Caluwé... et al. 2nd rev. ed. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 75-100.

38. Willems D. Syntaxe, lexique et sémantique. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. 276 p.

References

1. Abramov B.A. The syntactic potential of the verb in comparison with the potencies of other parts of speech // Filol. nauki. 1968. № 3. Pp. 34-44.

2. Admoni V.G. // The completeness of design as a phenomenon of syntactic form // Vopr. yazykoznaniya. 1958. № 1. Pp. 111-117.

3. Apresyan Yu. D. Research in semantics and lexicography. T. I: Paradigmatics. Series «Studia philologica». M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 568 p.

4. Arutyunova N.D. Language and the world of man. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 p.

5. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. 2-e izd. stereotype. M.: Sov. encycl., 1969. 608 p.

6. Büler K. The theory of language. Representative function of language. Per. s nem. M.: Progress, 2001. 528 p.

7. Vetrov A.A. Semiotics and its basic problems. M.: Politizdat. 1968. 263 p.

8. Gak V.G. Theoretical grammar of the French language. M.: Dobrosvet, 2000. 832 p.

9. Gulyga E.V. Autosemantics and synsemantics as signs of the semantic structure of a word // Filol. nauki. 1967. № 2. Pp. 62-72.

10. Gulyga E.V. The theory of the complex sentence in contemporary German language. M.: Vyssh. shkola, 1971. 206 p.

11. Zhinkin N.I. Speech as a conduit of information. M.: Nauka, 1982. 157 p.

12. Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian syntax. M.: Nauka, 1982. 368 p.

13. Katsnel'son S. D. The content of the word, meaning and denomination. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2011. 112 p.

14. Kruchinkina N.D. Autosemantics and synsemantics of components of the predicate structure // Problems of optimization of verbal communication. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1989. Pp. 51-58.

15. Kruchinkina N.D. Syntagmatics and paradigmatics of propositional nominator. Monografiya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1998. 104 p.

16. Kruchinkina N.D. System of propositional categories // Language and culture. M.: MIIYa, 2003. Pp. 194-195.

17. Lomtev T.P. General and Russian linguistics. M.: Nauka, 1976. 382 p.

18. Luriya A. Language and consciousness. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 414 p.

19. Ufimtseva A.A. Lexical meaning (Principle of semiological description vocabulary). M.: Nauka, 1986. 240 p.

20. Shakhnarovich A.M. The language ability of humans: ontogenetic aspect // Shakhnarovich A.M., Yur'eva N.M. Psycholinguistic analysis of the semantics and grammar (based on the ontogeny of speech). M.: Nauka, 1990. P. 19-58.

21. Linguistics. Big encyclopaedic dictionary / V.N. Yartseva (Chief ed.). M.: Bol'shaya Ross. entsikl., 1998. 685 p.

22. Bonnard H. Les trois logiques de la grammaire française. Bruxelles: Duculot, 2001. 251 p.

23. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent: Fides, 2000. 352 p.

24. Bussmann H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. L. and NY: Routledge, 2006. 1335 p.

25. Cruse, D.A. Lexical semantics. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1986. 310/323 p.

26. Deloffre F. La phrase française. P.: SEDES, 1975.

27. Dubois J. et al.. Dictionnaire linguistique. P.: Larousse-Bordas/VUEF 2002. 568 p.

28. Ducrot O. / Todorov Tz. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P.: Eds. du Seuil, 1972. 480 p.

29. François F. La description linguistique // Le langage. P., 1968. P.171-282.

30. Goddard C. and Wierzbicka A. Words and Meanings. Oxford: Oxford University Press, 2014. 314 / 323) p.

31. Kerbrat-Orecchioni C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation. Lille: Univ. de Lille III, 1979. En 3 t. T. 1. 597 p.

32. Kleiber G. Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres. P.: Klincksieck, 1981. 538 p.

33. Quine W. Van Orman. Word and Object. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 2013. 277/308 p.

34. Sinclair J. The lexical item // Contrastive Lexical Semantics (Ed. by E. Weigand. Series IV - Current issues in linguistic theory. Vol. 171. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 1998. P. 1-24.

35. Tutescu M. Précis de sémantique française. Bucuresti-Paris, Klincksieck, 1975. 258 p.

36. Verspoor M., Dirven R. & Radden G. L'assemblage des concepts: la syntaxe // Linguistique cognitive / Ed. Delbecque N. Bruxelles, 2002. P. 103-136.

37. Verspoor M., Dirven R. and Radden G. Putting concepts together: Syntax // Cognitive Exploration of Language and Linguistics / Edited by

R. Dirven and M. Verspoor; in collabor. with J. de Caluwé... et al. 2nd rev. ed. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 75-100.

38. Willems D. Syntaxe, lexique et sémantique. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. 276 p.

Кручинкина Нина Дмитриевна, доцент, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Kruchinkina Nina Dmitrievna, Associate professor, PhD in Philology, National Research Mordovian State N.P. Ogarev University.